

О чем помнят березы

КОЛЛЕГА

...Мы познакомились с Александром Михайловичем Ивановым, когда я приехала из МГУ, а он возглавлял арфинскую газету, звали друг друга по имени. Он тогда был подвижный, улыбочивый, с черной шевелюрой. Знакомцы еще, помню, частенько посмеивались, что родом он из пошехонской деревеньки с не очень благозвучным названием Гузнево. Но эти прекрасные российские места всю жизнь были для Александра Иванова источником поэтического вдохновения.

В «Северном» Иванов работал в отделе партийной жизни. Но вскоре случилось необыкновенное – вчерашнего пошехонского редактора пригласили собкором в «Советскую Россию». Такой факт говорит о многом – в этой газете всегда была очень высокая планка отбора, случайных людей не принимали...

Он работал хорошо, потому что вскоре, вспоминают, назначили ему едва ли не самый интересный регион – Кубань, Ставрополье. И тогда он сказал: куда же я без своих лесов, рек, грибов, родных лиц? Поэтому в 1964 году ему предложили возглавить «Северный рабочий».

Все в редакции знали: Иванов в обиду никого из нас не даст. Случаев таких было море. Однажды, например, «компетентные органы» обнаружили, что в Рыбинске образовалась небольшая группа интеллигентов, читающих самиздатовский «ГУЛАГ» Солженицына. Среди них и наш собкор. Дело серьезное, «виноватого» вызвали на редколлегию, явился и представитель КГБ. Молодой поклонник Солженицына получил на всю катушку, обсуждение прошло строго и резко. А в конце Иванов заверил гостя, что проступок серьезный, но виновник молод, и коллектив берет на себя обязанность его перевоспитать. Перед этим у членов редколлегии и была такая договоренность: разыграть спектакль и собкора защитить.

При всех жалобах на критические статьи

Иванов тоже твердо держал оборону: сотрудник мой, сам и разберусь. Газету подписываю я, значит, и ответственность несу я. Был убежден: настоящей журналистики без риска не бывает.

А вот легкомысленное охавание кого-то на дух не переносил. Был такой случай. Приняли в штат молодого журналиста с солидной рекомендацией и бойким пером. Он действительно писал живо, звонительно, уверяя, что факты проверяет досконально. Так появилась статья «Дача в кармане», обличавшая директора одного из пригородных заводов, якобы построившего дачу за счет средств предприятия. Фельетон имел эффект разорвавшейся бомбы – не часто тогда критиковали директоров. Хотя та дача по нынешним меркам тянула скорее на сараюшку. К редактору приехали директор и секретарь парткома. Привезли кучу счетов, из которых следовало, что за каждое бревно директор заплатил из своего кармана. Но были в поселке шустрые пенсионеры, имевшие зуб на хозяина дачи. Они-то навешали лапши корреспонденту. Пока гости сидели в кабинете, редактор под каким-то предлогом пригласил к себе автора фельетона. Слово за слово, а потом спросил, знает ли журналист находящиеся здесь людей. Тот признал, что видит их впервые.

– Значит, ты сам себе подписал увольнение, – жестко сказал Иванов.

Кажется, это было единственное увольнение в его бытность.

Александр Михайлович просто любил газету. Было тогда такое правило: когда бы за полночь ни кончались наши типографские дежурства, свежий номер всегда доставлялся домой редактору. И тяжело, страшно заболев в молодом еще возрасте – не было ему и пятидесяти пяти, теряя с каждым днем силы, он ни минуты без газеты не жил. Уже в больницу доставляли ему «Северный», и он читал его придирчиво и дотошно. В последние дни все вслух читали ему жена и дочь.

Почему так рано случилась с ним эта напасть? Однажды на ночном дежурстве старый сторож в типографии, кстати земляк Михалыча, убежденно сказал мне, что это никак не иначе слаз. Уж очень многие завидовали ему, да обиженных газетой было немало. А он до последнего дня не сдавался, седина его делалась какого-то нестерпимо серебряного блеска, отянулись ноги, с трудом двигались руки. И все говорил:

– На коляске ездить буду, но только бы писать...

Кстати, поседел он совсем молодым, внезапно. И однажды на московском совещании в Союзе журналистов его руководитель, выступая, указывая рукой на сидевшего в зале Иванова, сказал: «У этого человека не только светлая голова, но и ум светлый...»

Когда я готовила материал об «екатерининских березах», пришли мне на память строки из его сборника «Поют березы» об этих самых старожилках на родной ему владыченской дороге. При нем некоторые из них еще доживали давно отпущенные два столетия: «Давненко ветви поределли, но не прощаются с листвою. Знать, не иначе эта сила имеет мужества исток в тех россиянах, что сажали березы вдоль больших дорог».

Инна КОПЫЛОВА.